

УДК 930.253

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.73>

Российские кореееды о корейском коммунистическом и национально-освободительном движении конца 10-х, 20-х и первой половины 30-х гг.

Л. В. Овчинникова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва,
Российская Федерация*

Аннотация. Рассматривается вопрос освещения коммунистического и национально-освободительного движения в Корее первой трети XX в. учеными и публицистами. Отмечается, что в целях более беспристрастной оценки событий необходимо расширение источниковедческой базы, поиск новых сведений и материалов по различным аспектам данной темы. Автору представляется важным использование при рассмотрении тематики национально-освободительной борьбы корейского народа закрытых (служебных) публикаций, выпущенных японским генерал-губернаторством в 20–30-х гг. и начале 40-х гг. в Сеуле на японском языке (*бунго*). Ставится задача показать, как освещали российские кореееды основные, значимые вехи национально-освободительного и коммунистического движения в Корее в период конца 10-х, 20-х и первой половины 30-х гг., при этом автор пытается по возможности сопоставить их с трактатками, данными японскими закрытыми изданиями генерал-губернаторства.

Ключевые слова: колониальная Корея, генерал-губернаторство, японская администрация, антияпонская борьба, освобождение Кореи.

Для цитирования: Овчинникова Л. В. Российские кореееды о корейском коммунистическом и национально-освободительном движении конца 10-х, 20-х и первой половины 30-х гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 73–81. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.73>

Тематика колониальной истории Кореи разрабатывалась в трудах отечественных востоковедов. Достаточно вспомнить монографии и труды советских корееведов, содержание которых в наиболее концентрированном виде представлено в капитальном труде «История Кореи» [1]. Российские кореееды – Ф. И. Шабшина (Куликова), В. И. Шипаев, М. Н. Пак, Ю. М. Ванин и др. – создали немало трудов по разным аспектам этой темы, причем особое внимание они уделяли именно исследованию корейского сопротивления. Авторы высоко оценивали патриотизм, самоотверженность корейских патриотов. Ценными для исследователей представляются и труды советских историков-корееистов – непосредственных очевидцев событий, посвященные рассматриваемому периоду, в частности книги Ф. И. Шабшиной о колониальной Корее [4; 5].

В этих серьезных монографиях наряду с объективными оценками и суждениями немало спорного, требующего переосмысления. Положение осложнялось тем, что долгое время советские корейцы были вынуждены следовать в своих трудах за официальной историографией КНДР. Она же, как известно, в угоду культу личности Ким Ир Сена, националистической доктрины *чучхе* искажала исторические факты, некоторые аспекты истории колониального периода, в частности национально-освободительного и коммунистического движения. Это привело ко многим негативам, в частности к безымянности, отсутствию сведений о лидерах, участниках антияпонской борьбы. Тем более что многие впоследствии оказались жертвами тоталитарного режима. Образовалось немало белых пятен; результатом стали и некоторые ошибочные трактовки и опущенные, нерасшифрованные страницы истории корейской освободительной борьбы.

В XXI в. были изданы монографии «История Кореи (Новое прочтение)», 2003 г. [2], «История Кореи: с древности до начала XXI века», 2009 г. [3] и другие, авторы которых достаточно подробно освещают вопросы национально-освободительного, в том числе коммунистического движения; и все же они не затрагивают отдельные аспекты этой тематики.

Думается, необходимость расширения источниковедческой базы, поиска новых сведений и материалов по вопросам данной теме сохраняется по сей день. Автору представляется важным использование при рассмотрении национально-освободительной борьбы корейского народа закрытых (служебных) публикаций, выпущенных японским генерал-губернаторством в 20–30-х гг. и начале 40-х гг. в Сеуле на японском языке (*бунго*), это материалы полиции, суда, прокуратуры конца 10-х, 20-х, первой половины 30-х гг. Их чисто прагматические, прикладные цели, детализированные до мелочей сведения лишь повышают ценность рассматриваемых изданий. Будучи секретными или особо секретными, рассчитанными на очень узкий круг чиновников японской колониальной администрации, они дают более или менее достоверную информацию; и все же необходимо сверять ее с другими источниками. Кроме упомянутых выше монографий советских корееведов, такими источниками являются предназначенные для служебного пользования спецбюллетени и инициативные записки сектора Кореи Института востоковедения Академии наук; советская пресса 20–30-х гг. В ряде случаев в источниковедческом ключе автор обращался к весьма интересным, насыщенным многочисленными фактами монографиям американских ученых – Р. Скалапино, Ли Чжонсика, Со Дэсука и др. [7–9]. Нетрудно догадаться, какими методами полиция добывала сведения у арестованных, многие из которых не выдерживали пыток и давали ложные показания. Вместе с тем полицейско-жандармские службы нередко преувеличивали размах антияпонского движения, дабы завысить свою роль в ее подавлении. Сквозь призму «полицейской методологии» отражены в рассматриваемых публикациях и представления их авторов о стратегии и тактике освободительной борьбы, которая оценивалась ими как продукт экспорта извне, а вся деятельность левого крыла патриотов отождествлялась с «рукой Москвы».

Несомненно, эти японские источники воссоздают картину колониальной Кореи, показывают методы управления и контроля японских властей, а также рассказывают о борьбе народа этой страны за обретение независимости. В данной статье автор ставит задачу показать, как освещали российские корееведы основные, значимые вехи национально-освободительной борьбы корейского народа конца 10-х, 20-х и первой половины 30-х гг. При этом он пытается по возможности сопоставить их концепции с трактовками, данными японскими закрытыми изданиями генерал-губернаторства.

Первый отрезок времени охватывает почти десятилетие – 1918–1928 гг. Представляется, что этот период в концепции отечественных корейстов содержит немало проблем, требующих переосмысления или уточнения. Прежде всего это вопрос влияния внешних факторов, стимулировавших в это десятилетие борьбу корейцев за национальное освобождение. В работах отечественных корееведов можно увидеть завышение, а то и абсолютизацию влияния октябрьских событий в ущерб другим внешним факторам, например вильсоновским принципам. В японских полицейских изданиях, в частности в книге «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время», говорится об этих внешних факторах [11, с. 7]. При этом особо отмечается большое влияние на Корею революционных событий в России. Из этих изданий следует, что оно было сильным по ряду причин, среди которых соседство стран; наличие в России большого числа корейских отходников, сезонных рабочих, политических эмигрантов; участие корейцев в Гражданской войне на Дальнем Востоке. Напомним и другие факты. До 1921 г. корейское социалистическое, чаще именуемое коммунистическим, движение было зарубежным и кружковым. С 1921 по 1925 г. оно было по-прежнему зарубежным, но уже появились партии. Основными из них были иркутская и шанхайская. Кроме того, образовались небольшой коммунистический центр в Японии и кружки в самой Корее. Их роль проявлялась и в движении 1919 г., до сих пор именуемом первоапрельской демонстрацией. Этот термин может считаться не совсем корректным, ведь демонстрация 1 марта была лишь его началом. Конечно, первоапрельское движение возникло на базе внутренних факторов, порожденных зверствами японского колониального режима, но влияние на него революции в России несомненно. Что касается японских изданий, то их материалы также указывают, что в первое десятилетие японского господства в Корее протест против национального гнета и социального бесправия достиг особого накала, что вызвало взрыв народного недовольства. Это вылилось в мощное общенациональное освободительное движение 1919 г. [1, с. 52–58; 2, с. 284–290]. Один из главных, проходящих через все рассматриваемые издания тезисов сводится именно к тому, что в Корее не было внутренних условий для активной антияпонской борьбы, что она экспортировалась Москвой, искусственно внедрялась.

Японские издания неоднократно указывают на то, что революционные события в России серьезно повлияли на движение 1919 г., что не могло не беспокоить колониальную администрацию. Издание «Корейская полиция» отмечает: «В начале Первой мировой войны в Корее было много недоволь-

ных. Но особенно это недовольство и движение народных умов возросло после второй русской революции 1917 г., а также интервенции в Сибири. В последующие годы стало нарастать движение за независимость, разжигаемое корейцами, находящимися за границей» [13, с. 65]. В закрытых японских изданиях оно неизменно связывалось с «рукой Москвы»; утверждалось, что «среди народа насаждаются идеи о том, что только решительной борьбой, насилием можно добиться независимости. Характерно, что движение за независимость внедряется интеллигенцией и подхватывается массами» [1, с. 37–40; 13, с. 65]. «Словарь тайной полиции» также пишет, что «идеи независимости в это время (конец 10-х гг.) получили распространение среди широких народных масс» [10, с. 275]. Выступления с освободительными лозунгами, в той или иной степени связанные с революционными событиями в России, стали именоваться «идеологическими преступлениями». Издания японского генерал-губернаторства приводят данные о многочисленных организациях, совершающих такие «идеологические преступления» в 20-е гг. В частности, в «Вестнике идеологии» содержатся данные об арестах по делу «добровольческих войск», как и по деятельности других «подрывных элементов». Указывается, в частности, что эта группа была связана с Москвой, своей целью она провозгласила борьбу за независимость. Сообщается и о других аналогичных организациях, действовавших в 1923–1924 гг. [12, с. 62].

Надо признать, что концепция отечественных корееведов отводила решающую роль вооруженному этапу борьбы – народному восстанию, хотя оно и было ответом на репрессии японских властей. Преувеличивалось значение именно вооруженных форм борьбы [6]. Распространенный в советский период тезис о приоритете насильственных действий требует серьезного пересмотра. Не учитывались потенциалы единого фронта патриотических сил, в частности корейского Временного правительства, созданного в Шанхае и объединявшего корейских патриотов разной ориентации. Вряд ли правомерно говорить о полном поражении народной борьбы 1919 г. Ведь последовавшие реформы Сайто: облегчали деятельность прогрессивных сил Кореи, хотя крайне левое их крыло слишком абсолютизировало опыт русских большевиков, их приверженность вооруженным формам борьбы, механически переносило их на корейскую почву. При всей ограниченности курса реформ они вызвали определенную либерализацию режима, облегчали условия антияпонской борьбы [1, с. 56–58].

Как оценивают японские служебные издания период 1920–1925 гг.? Авторы их утверждают, что в этот период леворадикальное, или «коммунистическое», движение, как его именуют авторы японских изданий, «преобладало над националистическим», подавляя его. Хотелось бы скорректировать это заявление. Как говорилось выше, рассматриваемое пятилетие было временем так называемого культурного управления, реформ, когда несколько расширились возможности легальной деятельности левых сил. В условиях большого влияния на Корею революционных событий в России многие националисты потянулись в марксистские кружки, леворадикальные груп-

пы. То была дань моде. Думается, японские источники все же завышают степень влияния леворадикальных групп в массах, оно было сильным, но не преобладало над влиянием других организаций, выступающих с антияпонскими лозунгами.

Японские издания приводят и сведения о зарубежных коммунистических группах, неизменно и настойчиво проводя тезис, что в Корею подобная идеология искусственно насаждалась Москвой, причем при этом экспортировались не только идеи, инспирировались и конкретные действия на Корейской земле под руководством Москвы.

Очень неоднозначен зарубежный период деятельности корейских коммунистов. С одной стороны, их активность содействовала росту патриотического самосознания народа; с другой стороны, зарубежные центры, особенно российский, недостаточно знали и учитывали внутренние условия Кореи. Источниками сведений были сезонные корейские рабочие, которые не могли излагать полную и подлинную картину происходящего там. Увиденное же в России часто обрастало легендами и домыслами. Все же первые декреты советской власти воодушевляли корейских патриотов.

Образование в 1919 г. Коминтерна, изложенные Лениным на II Конгрессе задачи национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, выдвигавшие на первый план достижение национальной независимости, стали мощным импульсом создания в Корею единого общенационального фронта, возглавлявшего разные классовые слои. И все же думается, что Коминтерн допустил немало ошибок в руководстве корейскими коммунистами в рассматриваемое время и позднее. Должной оценки эти ошибки в концепции отечественных корееведов не получили. В частности, это касается «фракционной» борьбы. Иркутская партия (группа) отстаивали большевистский опыт. Шанхайская была по своей сути иной, сейчас ее назвали бы левоцентристской. Руководителем ее был Ли Дон Хви – активный социалист, националист, патриот, член Временного шанхайского правительства, но отнюдь не фракционер, как его иногда называли. По своим основным параметрам к нему были близки многие другие социалисты, а также представители элиты корейской интеллигенции. Немало было мечущихся, ищущих, к какому берегу пристать. Думается, это недоучитывалось в исполкоме Коминтерна, что отразилось и на концепции отечественных корееведов. Доминировал тезис о «фракционерах».

В 1925 г. была образована компартия в самой Корею. В числе ее основателей были Ё Ун Хён, Пак Хон Ён и другие интеллигенты. Ориентировалась она на решения II Конгресса Коминтерна, на первоочередность национально-освободительных задач и на создание единого фронта разнородных патриотических сил. Определенные успехи в этой области кажутся бесспорными.

По мнению российских востоковедов, началом, зародышем единого фронта стала демонстрация в июне 1926 г., в которую переросли похороны корейского экс-императора. Известно, что религиозные общества играли там значительную политическую роль, в частности Чхондогё (его левое крыло, Чхонудан, было связано с Крестинтерном). Учение Чхондо – «все

для человека, для его блага» – сближало его с идеями социализма. Хотя июньское выступление не вышло за рамки Сеула, оно, как считают российские кореееды, стало важным событием национально-освободительной борьбы и заметной вехой во взаимодействии корейских патриотов различной направленности. Материалы японских источников также указывают, что во время июньских событий 1926 г. националистические организации, религиозные деятели блокировались с леворадикальными, коммунистическими группами. Эти книги содержат факты о росте антияпонских настроений, о высоком патриотическом подъеме разных слоев населения, в первую очередь интеллигенции, учащейся молодежи. Несмотря на массовые аресты, борьба прогрессивных сил за единство действий, за сотрудничество патриотических организаций продолжалась, на это указывает и деятельность общества Синганхве, созданного в 1927 г., правда, действовавшего недолго. Поллицейские издания называют его организацией «бескомпромиссной», т. е. прокоммунистической, также связывая его деятельность с «рукой Москвы» [11, с. 9].

Вторая половина 20-х гг. характеризовалась пересмотром курса коммунистического движения, проявлением в нем левизны. Это видно по решениям VI Конгресса Коминтерна. На нем произошла парадоксальная ситуация – Коминтерн, утвердив компартию Кореи своей секцией, фактически тут же ее распустил – опять из-за той же «фракционности», не признав ее представителей, приехавших на Конгресс. То была очередная дань левизне, сектантству. В концепции российских корейстов не было единого мнения относительно того, оправдан ли был ли роспуск компартии Кореи. Автор солидаризируется с теми корееедами, которые считали, что он был ошибочным, что сохранение компартии в качестве единой организованной силы могло обеспечить более активное взаимодействие в Корее социалистического и национально-освободительного движений.

По периоду 1928–1936 гг. надо сказать, что на корейской освободительной борьбе решения VI Конгресса Коминтерна отразились остро и крайне болезненно. Как и в других странах, здесь возобладали догматизм, забегание вперед, сектантство, а также силовые методы. На первый план стали выдвигаться далекие от реальности задачи социалистической революции и построения социалистического общества. В тени оказалось главное требование национальной независимости. Распались зачатки единого фронта. Новый курс Коминтерна нанес ему тяжелый удар, оттолкнув от социалистических сил не только союзников. Как известно, VI Конгресс Коминтерна, с одной стороны, отметил, что выработанные В. И. Лениным и принятые на II Конгрессе «Тезисы по национальному и колониальному вопросам» в полной мере сохраняют свое значение. Но с другой стороны, тезисы VI Конгресса Коминтерна, принятые им по докладу О. В. Куусинена, содержали крупные ошибки сектантского характера. В декабре 1928 г. Политический секретариат исполкома Коминтерна принял развернутые тезисы по Корее. В них говорилось, что национально-освободительное движение в большинстве современных колоний, в том числе и в Корее, является не только антиимпе-

риалистическим и антифеодальным движением; оно теснейшим образом связывается с классовой борьбой пролетариата как против империалистов и феодалов, так и против национальной буржуазии.

Период 1928–1936 гг. отмечен в Корее многими драматическими событиями. Российские корееведы считают, что речь может идти не о взаимодействии национально-освободительного и коммунистического движений, а об их полном слиянии. Следует подчеркнуть, что предшествующая деятельность компартии сказалась на борьбе трудящихся, о чем свидетельствовала Вонсанская забастовка 1929 г. И не только трудящихся. Весьма показательным антияпонское выступление корейских студентов, представителей интеллигенции в Кванджу. Напомним и о крупном выступлении крестьян в Танчхоне (пров. Хамгён Намдо) в июле 1930 г., поддержанном жителями других районов; «крупным мятежом» именуется массовые волнения там же в декабре 1930 г. В разных районах страны происходили так называемые ирригационные бунты, сожжение крестьянами долговых обязательств, нападение на дома богатеев.

Отмечая влияние и в ряде случаев активное участие коммунистов в этой борьбе, российские корейцы указывают на многообразно проявлявшуюся в ней левизну. В то же время они подчеркивают, что в самом начале 30-х гг. еще не произошло полностью переориентации коммунистов на маломощные «красные» союзы.

Это началось позже. Стали создаваться экстремистского типа красные рабочие и крестьянские союзы и объединения леворадикальных интеллигентов, проявлявших «революционное нетерпение», утопизм, догматизм, а также романтизм. Подпольные красные союзы мало чем отличались от коммунистических групп, что показано в концепции российских историков. Большинство этих мелких объединений выдвигали в качестве своих непосредственных задач достижение независимости и построение коммунистического общества.

Созданное по инициативе коммунистов общество единого фронта Синганхве было по их же инициативе распущено, что расценивается российскими корееведами как дань сектантству. Роспуск Синганхве углубил разобщенность национальных сил, явился следствием левачества.

После захвата Японией Маньчжурии начался новый зарубежный период борьбы корейских коммунистов. Центр его переместился в Китай. Об этом, в частности, свидетельствует Платформа действия компартии Кореи (1934). Документ оценивал первоочередные и конечные цели борьбы, тесно увязывал национально-освободительные требования с антифеодальными. По мнению отечественных корееведов, он отражал борьбу между носителями левизны и сторонниками нового курса.

Период 1935–1939 гг. насыщен событиями; он также требует уточнения ряда спорных вопросов. Своеобразные черты корейского освободительного движения этого периода связаны, с одной стороны, с активизацией японского милитаризма и началом японо-китайской войны, с другой – с изменением курса Коминтерна, с отказом от левачества и сектантства, что нашло отражение и в Корее. Но данный период выходит за рамки темы настоящей статьи.

Список литературы

1. История Кореи. В 2 т. Т. 2. М. : Наука, 1974. 480 с.
2. История Кореи (Новое прочтение). М. : РОССПЭН, 2003. 429 с.
3. Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI века. СПб. : Изд-во С.-Петербурга, ун-та, 2009. 680 с.
4. Шабшина Ф. И. Южная Корея 1945–1946. Записки очевидца. М. : Наука, 1974. 271 с.
5. Шабшина Ф. И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М. : Наука, 1982. 287 с.
6. Шабшина Ф. И. Народное восстание 1919 г. в Корее. М. : ИВ АН, 1952. 279 с.
7. Lee Chong-Sic. The politics of Korean Nationalism. Berkeley, 1963. 342 p.
8. Scalapino R., Lee Chong-Sic. Communism in Korea. Berkeley, 1972. 685 p.
9. Suh Dae-Sook. Documents of Korean Communism. Princeton, 1969. 572 p.
10. Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн = Словарь тайной полиции = 高等警察用語辞典. Сеул : изд. генерал-губернаторства, 1935. 258 с. (на япон. яз.)
11. Сайкин-ни окэру тэ:сэндзиан дзё:кё: = Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время = 最近における朝鮮治安状況. Сеул : Изд. генерал-губернаторства, 1939. 480 с. (на япон. яз.)
12. Сисо: ихо: = Вестник идеологии = 思想彙報. Вып. 1937 г. № 11. Сеул : Изд. генерал-губернаторства, 1937. 321 с. (на япон. языке)
13. Тё:сэн кэйсацугайё: (Корейская полиция), 朝鮮警察概要. Сеул : Изд. генерал-губернаторства, 1938. 161 с. (на япон. яз.)

Korean National Liberation and Communist Movement in Korea (Late 1910-s, 1920-s and Early 1930-s). Concepts of Russian Orientalists

L. V. Ovchinnikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The colonial history has been a topic for scientific research for Russian and foreign orientalists in the 20th and 21st centuries. At present some of the historical events and processes, the liberation movement in the Asian colonies for instance, are being revised and re-viewed. At the same time a search for new sources, documents and information is becoming one of the priorities in historical science. This is true about Korean liberation studies in the former USSR and Russia. Soviet and Russian orientalists carried out a number of significant works on the topic. However, as many scholars say themselves, these publications need revision. Furthermore, formerly in their publications Soviet researchers were obliged to follow the concepts of the official North-Korean historiography, which was to serve the cult of Kim Il-Sung and the “Chuchhe” doctrine and misinterpreted historical events, those related to the 1920-s and the 1930-s particularly. As a result some misinterpreted conceptions, missing and unexplained data about Korea’s liberation movement appeared. Hence there was a necessity to broaden the scientific source of research, a need for new information and data. The article is devoted to Korean colonial history, particularly to the Korean struggle for independence during the first 25 years of Japanese colonial governance. The author seeks to find out the way national liberation and communist movement are depicted in the conceptions of Soviet and Russian orientalists. Korean struggle against Japanese colonial rule has been reflected in special editions for official use of the Japanese colonial administration. These books were written in Japanese by the General-Governor’s office, police and court and were used by senior Japanese officials. They prove to be an original source of scientific research concerning forms and methods of Japanese governance in the colony, general situation on the Korean Peninsula before WWII. These Japanese publications also provide important data that shed light on Korea’s

struggle for independence. The author makes an attempt to compare, where possible, the conceptions of Russian orientalists concerning national liberation and communist movement in Korea in the late 1910-s, 1920-s and early 1930-s with the interpretation given in the above mentioned Japanese publications.

Keywords: colonial Korea, Japanese administration, Governorate General, liberation movement, struggle for independence.

For citation: Ovchinnikova L.V. Korean National Liberation and Communist Movement in Korea (Late 1910-s, 1920-s and Early 1930-s). Concepts of Russian Orientalists. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 73-81. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.73> (in Russian)

References

1. *Istoria Korei* [History of Korea]. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1974, 480 p. (in Russian)
2. *Istoria Korei. Novoe prochtenie* [History of Korea. A New Perspective]. Moscow, ROSSPĖN Publ., 2003. 429 p. (in Russian)
3. Kurbanov S.O. *Istoriia Korei: ot drevnosti do 21 v.* [History of Korea: from Old Times to 21 century]. Saint Petersburg, State Univ. Publ., 2009. 680 p. (in Russian)
4. Shabshina F.I. *Yuzhnaya Koreya 1945-1946. Zapiski ochevidtса* [South Korea 1945-1946. Notes of an eyewitness]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 271 p. (in Russian)
5. Shabshina F.I. *V kolonial'noy Koree (1940-1945). Zapiski i razmyshleniya ochevidtса* [In colonial Korea (1940-1945). Notes and reflections of an eyewitness]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 287 p. (in Russian)
6. Shabshina F.I. *Narodnoye vosstanie 1919 g. v Koree* [The 1919 People's Uprising in Korea]. Moscow, Institute of Oriental Studies Publ., 1952, 279 p. (in Russian)
7. Lee Chong-Sic. *The politics of Korean Nationalism*. Berkeley, 1963, 342 p.
8. Scalapino Robert, Lee Chong-Sic. *Communism in Korea*. Berkeley, 1972, 685 p.
9. Suh Dae-Sook. *Documents of Korean Communism*. Princeton, 1969, 572 p.
10. *Koutou keisatsu yougojitĕn* 高等警察用語辞典 [Secret Police in Korea. A Dictionary of Terms]. Seoul, Governor-general Office Publ., 1935, 258 p. (in Japanese)
11. *Saikin-ni okeru chousenjian joukyou* 最近における朝鮮治安状況 [Recent Situation of Peace and Order in Korea]. Seoul, Governor-general Office Publ., 1939, 480 p. (in Japanese)
12. *Shisou ihou* 思想彙報 [Thought Control in Korea]. 1937. N 11. Seoul, Governor-general Office Publ., 1937, 321 p. (in Japanese)
13. *Chousĕn keisatsu gaiyou*, 朝鮮警察概要 [Outline of Korean Police]. Seoul, Governor-general Office Publ., 1938, 161 p. (in Japanese)

Овчинникова Любовь Всеволодовна
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра японской филологии Институт
стран Азии и Африки
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, г. Москва,
Ленинские горы, 1
e-mail: lovchin@yandex.ru

Ovchinnikova Liubov Vsevolodovna
Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Japanese
Philology, Institute of Asian and African
Studies
Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian
Federation
e-mail: lovchin@yandex.ru

Дата поступления: 01.09.2021

Received: September, 01, 2021